

МОНОГОРОД: ДИЛЕММЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА¹

Наталья Веселкова, Елена Прямикова,
Михаил Вандышев²

Abstract

In this paper the authors analyze the problem of space construction in mono-towns. The researchers describe identification criteria for mono-towns, clarify the notion in a series of concepts such as «one company town» and «industrial city». The structure of mono-towns space is closely connected with the position of city-forming enterprises. For local population main (city-forming) enterprises are the source of town's prosperity. The article states that the practice of life-support of population is constructed in a strong connection with the activities and status of the enterprises. The authors consider Asbest town as an empirical case and analyze non-human actors that organize the structure of the town.

Keywords: mono-town, town space, enclave, non-human actors, constructions of town space.

Моногородская тематика приобрела популярность в 2009 г., когда в связи с событиями в Пикалево³ было принято решение разработать программу федеральной поддержки моногородов. Для их выделения использовали два критерия: *во-первых*, на градообразующем предприятии (либо в группе связанных предприятий) доля работающих составляет не

¹ Статья написана в рамках проекта «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов» (РФФИ – «Урал» 10-06-96021). Используются данные интервью, групповых дискуссий, материалы официальных сайтов министерств и муниципальных органов, публикации СМИ изучаемых городов, региональных и федеральных изданий.

² Наталья Вадимовна Веселкова – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

Елена Викторовна Прямикова – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Уральского педагогического государственного университета (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

Михаил Николаевич Вандышев – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

³ Речь идёт об остановке осенью 2008 г. трёх крупнейших предприятий города («Пикалёвского глинозёмного завода», «Пикалёвского цемента» и «Метакима») и последовавшем за этим социально-экономическом кризисе.

менее 25% экономически активного населения и/или, во-вторых, объём производства предприятия составляет не менее 50% в отгрузке продукции населённого пункта. Таких поселений в России оказалось порядка четырёхсот. По экспертным оценкам, российские моногорода дают до 40% ВРП, в них проживает около 25% населения страны, а в Уральском федеральном округе – каждый третий (3.8 млн чел).⁴ Урал как «опорный край державы» особенно насыщен такими поселениями, в силу чего представляет собой относительно компактную площадку исследования. Мы сужаем территориальный фокус до Свердловской области, где насчитывается от 12 до 17 городов. Единых представлений о числе моногородов не существует, что связано как с недостаточной концептуализацией самого этого понятия, так и с экономическими и политическими обстоятельствами (чем больше моногородов на территории, тем больше возможностей для получения субсидий из федерального бюджета).

В 2010 г. начали поступать первые транши федеральной поддержки. Пришли они и в три города Свердловской области – Нижний Тагил, Каменск-Уральский и Асбест. На фоне идеологии реиндустриализации появились даже заявления о том, что моногорода могут стать точками роста и инновационного развития страны в целом.⁵ Однако уже в сентябре программа была закрыта как бесперспективная. Реализация государственной политики не увенчалась успехом, в том числе, по причине существенных различий между моногородами – тот случай, когда унифицированный подход себя не оправдывает. Вместе с тем выделение моногородов в особую группу необходимо для определения способов устранения проблем: требуется, в первую очередь, диверсифицировать экономику, остановить депопуляцию, а в более широком плане – изменить практики населения. Это обуславливает актуальность анализа моногородов на предмет их разнообразия и типологизации.

Задача настоящей статьи – рассмотреть дилеммы конструирования городского пространства. Весьма специфичный представитель урбанистического семейства – явно не «лучший», скорее, гадкий утёнок – моногород способен, на наш взгляд, помочь высве-

⁴ *Моногорода России: как пережить кризис? Анализ социально-экономических проблем моногородов в контексте мирового финансового кризиса, влияющего на состояние градообразующих корпораций.* М.: Институт региональной политики, 2008.

⁵ Конференция по вопросам развития монопрофильных городов с участием представителей иностранных городов 10 марта 2010 г. // Министерство регионального развития РФ [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.minregion.ru/press_office/news/115.html. Можно встретить и заявления о том, что, скажем, в Асбесте, этом «небольшом уральском городе, есть все условия для создания так называемой силиконовой долины: сырьё, база, высокие технологии»; см. *Русский магний экологически безопасен* // Официальный сайт г. Асбест [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://asbestadm.ru/index.php/2010-11-02-15-03-50/36-2010-07-25-09-22-50/675-q-q-->. Дата доступа: 21.12.2010 г.

тить важные особенности более масштабных трансформаций (или их отсутствие).

Что такое «моногород»?

Разбросанные тут и там по России моногорода нередко считают продуктом советской ускоренной индустриализации, урбанизации и социалистического ведения хозяйства в целом. Это верно лишь отчасти. Характерный для начального этапа индустриализации, подобный тип поселений существовал задолго до образования СССР и за его пределами. Их бурный рост приходится на период с начала промышленной революции и до великой депрессии⁶ и основывается на раннеиндустриальных отраслях: текстильной, добывающей, металлургической. В настоящее время связанные с ними проблемы существуют во всех развитых странах.⁷

Между тем в англоязычной литературе не существует полного аналога отечественному «моногороду». Российские моногорода имеют свою специфику и как феномен трудно поддаются определению в силу того, что находятся на пересечении целого пучка шкал и критериев, среди которых выделим следующие: наличие и количество градообразующих предприятий; форма собственности и ведомственной принадлежности; связанность предприятий в одну производственную цепочку; размер поселения. Смысловое поле «моногорода» пульсирует между «фабричным городом» (*factory town*), «городом одной компании» (*a company town*) и «индустриальным городом» (*industrial city*).

Сегодня уже не всякий поймёт бабушкины слова о том, что та выросла «в заводе», хотя и по сей день существуют такие названия населенных пунктов и железнодорожных станций, как «Бисертский завод». Вокруг старых, петровских времён, и более новых, советских заводов выросли города, многие из которых можно назвать *фабричными*. Недостаток этого термина в том, что он ассоциируется только с промышленными градообразующими предприятиями, оставляя в тени т. н. нефтяные и газовые моногорода, поселения при атомных и гидроэлектростанциях, закрытые административно-территориальные образования, наукограды и курорты.

Идеально-типический образ *города-компании* можно описать на примере недавно показанного по отечественному ТВ художественному фильму «Чарли и шоколадная фабрика» (2005 г., по одноименному произведению Роальда Даля). Нетрудно найти по-

⁶ Garner J.S. *The Company town: architecture and society in the early industrial age*. Oxford University Press, 1992.

⁷ Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации человеческого капитала // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 14. В данном контексте автор расширительно упоминает «ржавые города». Некогда «промышленный», а ныне «ржавый пояс» объединяет территории на северо-западе США, с 1980-х переживающие упадок в связи с коллапсом тяжёлой промышленности, в которой они специализировались.

хожие и среди российских поселений – это те, которые обеспечиваются единственным градообразующим предприятием, как, например, Тольятти или Верхняя Салда. По формальному признаку к ним близки и поселения, работающие на военно-промышленный комплекс или представляющие собой объект стратегического значения, типа атомной электростанции. Отличие российского моногорода состоит в том, что градообразующее предприятие далеко не всегда ассоциируется с единственным частным собственником.

Российским моногородам и западным городам одной компании свойственны общие черты: 1) градообразующее предприятие (предприятия) является главным работодателем в округе, 2) в силу чего ожидается, что оно будет нести ответственность за благосостояние не только непосредственных работников, но и их семей, и жителей города в целом, 3) ожидается лояльность к предприятию как со стороны работников, так и всего населения, 4) зачастую такой город изолирован от соседей и организован вокруг предприятия (по материалам *Википедии*). Нам хотелось бы подчеркнуть ещё одну особенность: 5) даже самые «прогрессивные» моногорода не способны к устойчивому развитию⁸, они неустойчивы в своей основе.

В отличие от города-компании, во многих моногородах несколько градообразующих предприятий (имеющих разных собственников), и даже если одно из них явно доминирует (как комбинат «Ураласбест» в г. Асбест), городом одной компании такой населённый пункт уже не назовёшь. Скорее, он ближе к *индустриальному городу*. А последний в индустриальную эпоху предполагает большой размах, достойный тяжёлой современности, нежели компактность малого или среднего города. Типичный индустриальный город – миллионный Екатеринбург, в бытность его Свердловском.⁹

«Индустриальный город – это урбанизированное место, где промышленное производство доминирует в местной экономике и, шире, в окружающей среде и социальных отношениях».¹⁰

В силу глобальной тенденции деиндустриализации такие города вытесняются постиндустриальными метрополисами. Тер-

⁸ О направлениях развития устойчивости в обрабатывающей промышленности см.: Robins N., Kumar R. Producing, providing, trading: manufacturing industry and sustainable cities // *Environment & Urbanization*. 1999. № 11/2. P. 75–94; см. тж.: Зубаревич, указ. соч., с. 13–15.

⁹ Действительно, столицу Урала характеризовали прежде всего как крупный промышленный центр и только затем говорили что-то о культуре и образовательной среде. Сегодня же в описаниях Екатеринбурга (включая и целенаправленное брендиование) на первый план выходят указания на жемчужины архитектуры конструктивизма, выставочную и конгресс-деятельность, инвестиционную привлекательность и т. п., что свидетельствует о его превращении из города-завода в постиндустриальный мегаполис.

¹⁰ Harris R. Industrial City // *International Encyclopedia of Human Geography*. 2009. P. 383–388.

ритории, жёстко завязанные на индустрию, приходят в упадок. С особой остротой этот процесс переживают страны бывшего социалистического лагеря, где локальные концентрации индустриальности усугубляют сложности перехода; такие города и регионы называют теперь «лузерами»¹¹. В глобальном масштабе рост индустриальных моногородов на прежней основе уже не возможен, но и переуплотниться в постиндустриальные многопрофильные поселения они тоже не состоят именно в силу гипертрофированного, относительно других отраслей, развития одного или нескольких предприятий.

На наш взгляд, наиболее точно специфику индустриального моногорода (именно моногород будет объектом нашего анализа) схватывают его определения через принадлежность всех предприятий и служб к одной отрасли: *single-industrial, mono-industrial*. Подобный термин – *one-industry city* (букв.: «одноиндустриальный город»¹²) – встречается уже у Л. Вирта в работе 1938 г., где американский социолог призывает различать социальные характеристики одно- и мультииндустриальных городов. Точно так же, по его мнению, следует разводить индустриально сбалансированные и разбалансированные города и, в целом, обращать внимание на, так сказать, специализацию: промышленную, коммерческую, курортную и т. д. – и отличия по другим критериям. В русском языке употребляются похожие, но более широкие по охвату термины – «монопрофильный», «моноспециализированный».

Очевидно неустойчивые сегодня, моногорода в период их активного роста были встроены в общую, внутренне вполне устойчивую систему. Их возведение подчинялось задачам имперского освоения пространства и логике разделения труда в масштабах страны, а в дальнейшем – и в рамках стран социалистического лагеря. Узкая специализация усиливала зависимость предприятия/города от остальных контрагентов, работая на поддержание внутрисетевого связности, причём на больших и очень больших дистанциях. Сегодня специалисты отмечают, что тем самым на огромные, слабо освоенные просторы как бы набрасывалась сеть городских поселений, помогавшая шивать и держать пространство. Помимо целей такой колонизации, целесообразность сырьевой экономики диктовала расположение конкретных населенных пунктов в привязке прежде всего к природным ресурсам, поэтому зачастую город-завод строился «в чистом поле», в лесу, на большом удалении от других крупных поселений, при этом многие из них воздвигались в условиях сурового климата.

¹¹ Lintz G., Müller B., Schmude K. The future of industrial cities and region in central and eastern Europe // *Geoforum*. 2007. № 38/3. P. 512.

¹² Wirth L. Urbanism as a way of life // *American journal of sociology*. 1938. № 44. P. 6–7. В русском переводе вместо «одноиндустриальный город» использовано более размытое, хотя и точное описание: «город, в котором сосредоточена одна-единственная отрасль»; см.: Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. *Избранные работы по социологии*. М., 2005. С. 93–118.

Те же регионы испытали своего рода вторую волну индустриализации в годы Великой Отечественной войны, во время эвакуации предприятий из западной части страны. Как правило, это были предприятия высокотехнологичных отраслей, удачно дополнявшие добывающую специализацию урало-сибирских городов. Так, в один только город Асбест в 1941 г. были эвакуированы предприятия: Ленинградский асбестовый завод, Егорьевский завод «Тормозная лента», частично Ярославский асбестовый завод, Ленинградская слюдяная фабрика, Харьковский аккумуляторный завод и Харьковский калориферный завод. В 1942 г. «на базе эвакуированного оборудования и специалистов Ленинградского, Ярославского и Егорьевского заводов» основан «Уральский завод асбестовых технических изделий», ныне Открытое акционерное общество «Уральский завод автотекстильных изделий».¹³ Вместе с оборудованием перебазировались высококвалифицированные рабочие и инженеры – носители не только технологий, но и соответствующего образа жизни.

При отсутствии или слабом развитии транспортной и других инфраструктур изолированность и зависимость моногородов вызывали вынужденную автономизацию. В частности, и горожане, и предприятия создавали подсобные хозяйства. Эта деятельность приобрела серьёзный размах после Пленума ЦК КПСС 1982 г., на котором была принята *Продовольственная программа*. Подобное самообеспечение делало поселения более устойчивыми, способствуя развитию иных отраслей, помимо градообразующих. Всё это определило большой запас прочности моногородов.

Соответственно названным задачам формировалась и структура пространства моногорода, лишь в последнюю очередь соотнобясь с потребностями и вкусами его жителей. Но для них пространство позиционировалось – и представлялось! – как естественное и желанное: завод – кормилец, завод – гигант и гордость. В более поздние советские времена имидж моногорода подпортили экологические идеи, но после кризиса 1990-х экология ушла на второй план, а завод снова начал восприниматься как безусловное благо.

Пространство любого города содержит гетерогенные, сложно организованные структуры с центрами притяжения самого разного рода: торговые центры, площади, рынки и т. п. Сердцем же индустриального моногорода всегда является промышленное предприятие, токи города – это его токи. И сегодня жители принимают сложившийся конструкт моногородского пространства как само собой разумеющийся. «Печкой» в рассказе о жизни в своём городе у участников групповых дискуссий¹⁴ непременно служит ха-

¹³ История: о заводе УралАТИ см.: <http://www.uralati.ru/ru/history>; <http://www.uralati.ru/ru/article/aboutfactory>.

¹⁴ Дискуссия задавалась общим посылом ведущего: «Как население в вашем поселении решает основные вопросы, связанные с жизнеобеспечением? Как образуются доходы семьи? Как поддерживается здоровье,

рактика градообразующих объектов. Если эти предприятия функционируют, то причастные к ним люди оказываются «белой костью»:

«У нас есть крупное предприятие “Уралэлектромедь” и УГМК, холдинг. Очень богатое. Вот. И больше половины населения работает на этом предприятии. ... “Уралэлектромедь” ... рабочие со средним заработком, в основном. Ну, так, средне живут. ...В УГМК вообще замечательные зарплаты. Люди живут прекрасно» (ГД-1, Верхняя Пышма).

Чёткое отнесение остальных горожан к другой, менее статусной, категории отражает общую стратификацию пространства, определяемую главенством завода.

«Следующая часть – население. ...В основном, бюджет, работают в школах, в поликлинике, большая поликлиника очень. Много школ, садики. **Вот это другая часть населения, которые живут, конечно, намного хуже**» (выделено нами. – Авторы) (ГД-1, Верхняя Пышма).

Работа где-то ещё, помимо градообразующего предприятия, включая активность малого предпринимательства, рассматривается как вынужденный компромисс, едва ли не что-то подозрительное:

«...вот за последние где-то лет семь у нас сейчас принято среди своих земляков называть наш город – город магазинов. Там очень много предпринимателей ... в основном одежда, одежда, обувь, вот такие магазины» (ГД-1, Краснофимск).

Женщина говорит об этом с сарказмом, в её представлении, как и у многих других, подобная деятельность никак не может стать источником процветания города, сравнимым с работой градообразующих предприятий.

Всё тот же «некурортный климат», по мнению другого информанта, предопределяет абсолютную доминанту тяжёлой промышленности:

«Почему я считаю, что всё крутится именно вокруг промышленных предприятий нашего города, потому что, ну что греха таить, климат у нас здесь далеко не курортный, чтобы процветал какой-то туризм и все связанные с ним сферы обслуживания туристической индустрии, развлекательных каких-то больших программ. ... И малый бизнес, который есть в Нижнем Тагиле, конечно же, работает на эти предприятия и рядом с этими предприятиями» (И-1, Нижний Тагил).

Неработающие предприятия заставляют видеть в прошлом, на которое приходится период их функционирования, *золотой век*, когда пространство города представлялось притягательным:

как обстоят дела с образованием?». В скобках указаны: ГД – групповая дискуссия, И – интервью, а также город проживания информанта.

«...на тот момент город процветал, то есть там можно было жить, работать» (ГД-1, Красноуфимск).

В отсутствие жизнеопределяющего центра – а малое предпринимательство, как было сказано, таковым не считается – закономерен исход мобильных, амбициозных и продвинутых (часто обоим значимых собирательным словом «молодёжь»¹⁵):

«А сейчас вообще всё это позакрывали, после 90-х, ну, вот в 90-е, по-моему, то есть весь... вся молодёжь, я считаю, у которых есть голова, они стараются уехать из города, в Екатеринбург, найти работу и более-менее прилично строить свою жизнь» (ГД-1, Красноуфимск).

«Что вызывает беспокойство, это ... отток молодёжи из города. Вот это с восклицательным знаком. ...Приходят молодые специалисты, которые даже отказываются от тех подъёмных, которые выдаёт управление образования, полагая, что им придётся отработать там положенные пять лет. То есть они для себя этой перспективы не видят» (И-2, Нижний Тагил).

«...Сходить, конечно, некуда. У нас ... открывались что-то рестораны и кафешки, но закрылись, поэтому люди ударились в спорт... У нас есть, конечно, и алкоголики ... но в большинстве своём приятное такое, мне кажется, место. ... Молодёжь, конечно, уезжает ... вот кто уже помоложе, они, конечно, стремятся в Тюмень» (ГД-1, Туринская Слобода).

Но и успешно работающее предприятие моногорода может рассматриваться не только как желаемая идентичность, но и как обречённая включённость, которая точно так же провоцирует отток молодого населения. В отсутствие пространства многообразия возможностей даже заработок *«около 30–40 тысяч, получается, нормально для маленького города»* (ГД-2, Верхняя Салда), не оказывается достаточным для закрепления в городе.

«Я живу в Верхней Салде... Наше население ощущает себя очень плохо... нет, серьёзно плохо... У нас маленький город очень, и у нас единственное там стоит градообразующее предприятие, завод. Так что у нас, у населения, особо выбора нет, где работать, у нас все люди работают на заводе...

Ведущий. А как с социальной инфраструктурой? Образование? Здравоохранение?

У нас всё даёт завод, всё, скажем так... Всё финансирует завод... Ну, конечно, на заводе никому не нравится работать, там очень сложно... Поэтому у нас большинство молодёжи уезжает в Екатерин-

¹⁵ На одном из екатеринбургских форумов при обсуждении известия о провале программы поддержки моногородов подобные выводы были сформулированы по критерию качества человеческого капитала: «из доходных городов (моногорода – это эвфемизм такой) мозги давно смылись в город по умолчанию. ...В любом случае, на родину они не вернуться»; см.: [Электронный ресурс] 22 сентября 2010. Точка доступа: <http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=9&i=3571998&t=3571998&page=1>.

бург учиться и здесь же работать. Потому что особого выбора нет, куда идти» (ГД-2, Верхняя Салда).

Близость (относительная) крупного города позволяет расширить жизненное пространство, добавляет вариативность. Успешно работающий завод – это определённость, гарантия заработной платы, перспектив развития города. В то же время такая определённость может стать обречённостью, которая преодолевается только за счёт выбора в пользу более крупного, а главное, полиморфного поселения. Для моногорода это означает отток всех видов капитала – от финансового до человеческого; само же пространство при этом принципиально не меняется.

Достижение расцвета в индустриальную эпоху, сегодня моногорода являют её законсервированную квинтэссенцию, которая в современном обществе неизбежно образует однобоко-перекошенное пространство. Жёстко завязанное на заводе, оно изо всех сил сопротивляется кардинальным преобразованиям. Как можно видеть, это находит своё выражение и в представлениях жителей, и в практиках предприятий, и в государственных усилиях по целенаправленному развитию городов. Рассмотрим крупным планом город Асбест как информационно богатый случай.

Non-human акторы Асбеста

Моногород Асбест ведёт свою историю с начала разработки в 1889 г. Баженовского месторождения асбеста, где в 1897 г. на болоте Кудельном, среди тайги, была открыта первая в России асбообогатительная фабрика. Трудились там в основном сезонные рабочие, в «отличие от других промышленных уголков Урала, где из поколения в поколение работали на рудниках и заводах постоянные люди», так что «[д]ореволюционная Куделька жила словно бы вне окружающего её мира», и только «на рубеже XIX–XX вв. хозяева решились строить для пришлых рабочих общие бараки и казармы»¹⁶. Расти это поселение начало именно на волне советской индустриализации с её поэтикой ударного труда и гигантомании. В 1930 г. заработала «гордость отечественной промышленности» асбообогатительная фабрика № 2 «Гигант», включённая в план строительных работ первой пятилетки.¹⁷ С 1926 по 1939 гг. население выросло в четыре раза (с 7.6 до 30 тыс. чел.), в 1933 г. рабочий посёлок получил статус города. Количество жителей последовательно росло вплоть до начала 1990-х гг.; достигнув пика в 1992 г. (85.1 тыс. чел.), население начало постепенно сокращаться (2010 г. – 70 тыс. чел.), вернувшись к уровню середины 1960-х гг.¹⁸ «Ураласбест»,

¹⁶ Чечулин А.И. *Асбест*. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 66.

¹⁷ Чечулин, указ. соч., с. 69–70. «Промышленные гиганты города» упоминаются и в 1990-е гг.; см.: Иванова Н. Жизнь продолжается // *Асбестовский рабочий*. 1995. 18 ноября. № 144. С. 1.

¹⁸ *Асбест on-line: всё о городе и его жизни* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.asbcity.ru>; *Асбестовский городской округ – Терри-*

организованный в 1922 г. как трест, и по сей день является главным градообразующим предприятием.

Уникальность этого города поддерживается за счёт наличия асбестосодержащего сырья, а типичность определяется классической зависимостью от одного источника, связанного с сырьём или первичной переработкой сырья. Асбест относительно удалён от крупных городов и не является демографическим донором каких-либо близлежащих территорий. Расстояние до областного центра Екатеринбурга – 86 км, что допускает (пока весьма слабо развитые) практики ежедневных поездок на работу и обратно. В связи с ремонтом моста в п. Белоярский, однако, обычный маршрут с осени 2010 г. удлинился примерно на 50 км в одну сторону за счёт объезда, а проезд в автобусах «Асбест – Екатеринбург» подорожал на 30 рублей.¹⁹

Нам представляется продуктивным рассмотреть происходящие процессы с точки зрения *политики материальности* (в духе исследований науки и технологии – STS), анализируя, каким образом материальные, вещественные объекты регулируют и управляют поведением людей²⁰, включаясь как самостоятельные акторы (ANT). Особенно нас будет интересовать субъектный статус *акторов не-человеков*²¹. Мы выделяем по крайней мере *четыре* таких актора: минерал асбест/хризотил, «Ураласбест», карьер и сам город Асбест. Как они действуют? Начнём с минерала.

- Именно он дал городу жизнь и идентичность: «Асбест – город особенный, с собственным лицом»²².
- Люди «посвящают свою жизнь хризотилу»²³.
- Минерал «с чудесными свойствами», называемый «горным льном», «каменной куделькой»²⁴, вызывает романтические чувства и привязанность к месту.

тории – Геральдика Свердловской области // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://gerb.rossel.ru/ter/ter15>.

¹⁹ Альшевский А. (депутат Свердловской облдумы от КППФ) *О партизанских тропах на Асбест* // [Электронный ресурс] 11 января 2011. Точка доступа: <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/01/11/1/1661/0/>

²⁰ Law J., Mol J. *Globalisation in Practice: On the Politics of Boiling Pigswill*. Version of 9th. [Electronic resource] April 2009. Mode of access: <http://www.heterogeneities.net/publications/LawMol2006GlobalisationinPractice.pdf>.

²¹ Б. Латур использует выражение «актанты-не-человеки»; см., напр.: Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери [1992] // *Социология вещей. Сборник статей*; под ред. В. Вахштайна. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 199–222.

²² Атанасова И. О городе // *Официальный сайт Асбеста* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://asbestadm.ru/index.php/2010-07-26-16-10-24>.

²³ *LiveChrysotile.com* // [Electronic resource] Mode of access: <http://www.livechrysotile.com/#en:photo:all:all:1>.

²⁴ Атанасова, указ. статья.

- «Хризотил объединяет».²⁵
- Хризотил нуждается в защите.

Хризотил стал объектом защиты в ответ на антиасбестовую кампанию. Противники считают асбест материалом-убийцей, с которым нужно бороться и защищать от него людей. Адепты же доказывают безопасность хризотила (разновидность асбеста; именно её и добывают на Урале), апеллируя к длительной практике изучения его влияния на людей, полезные свойства и дешевизну. Минерал выступает в роли жертвы клеветы и оговора, по мнению защитников, он стал заложником экономической войны, выгодной производителям альтернативных материалов.²⁶

Развернувшаяся вокруг хризотила деятельность втянула асбестовцев в сложные, многосоставные отношения, включившие «большие» политику и экономику и подхлестнувшие локальный активизм горожан. В 1995 г. в местной газете появилась набранная мелким шрифтом крохотная заметка, в которой сообщалось о встрече в АО «Ураласбест» руководителей асбестовых комбинатов России и Казахстана, представителей государственного комитета внешнеэкономических связей, таможни и др. с целью «координации действий на внешнем и внутреннем рынках, а также совместных усилий против антиасбестовой кампании»²⁷. Спустя полгода в Асбест прибывает группа американских и финских специалистов для проведения исследований на предприятиях и среди жителей города; их работа также интерпретируется в контексте антиасбестовой «шумихи»²⁸. В 2009 г. в рубрике «В защиту хризотила» публикуются материалы о ещё более масштабном обследовании, призванном выявить воздействие хризотил-асбеста на здоровье 10 тысяч работников «Ураласбеста».²⁹

Весной 1996 г. в Асбесте состоялась международная научно-практическая конференция «Асбест и здоровье» – первое в истории города мероприятие столь высокого уровня. Организатор – тот же «Ураласбест» «с участием специалистов АО НИИ Проектасбест и коллег с асбестовых предприятий СНГ», ведущих учёных-медиков из Москвы, Екатеринбургa и ряда зарубежных стран, со-

²⁵ Заголовок информационного бюллетеня *Хризотил сегодня* (2010. № 5. С. 7).

²⁶ См., напр.: Антиасбестовая кампания // *Хризотиловая ассоциация* [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.chrysotile.ru/node_2789.

²⁷ Никольская Л. Съехались асбопромышленники // *Асбестовский рабочий*. 1995. 31 января. № 12. С.1.

²⁸ «В мире не утихают страсти по поводу особой опасности асбеста для здоровья людей. В акционерном обществе “Ураласбест” составлена программа сотрудничества с рядом зарубежных организаций...», – так начинается статья; см.: Американцы рвутся в карьер // *Асбестовский рабочий*. 1995. 3 июня. № 68. С.1. См. тж.: Никольская Л. Пыль увезли за рубеж // *Асбестовский рабочий*. 1995. 29 июня. № 79. С. 2.

²⁹ Никольская Л. Истину установят научным путём // *Уральский хризотил*, 2009. 6 января. № 1 С. 3; Дубовкина Л. Национальная программа – в Асбесте // *Асбестовский рабочий*. 2009. 9 января. № 2. С. 2.

трудников Министерства труда РФ, представителей областного правительства и центральных СМИ.³⁰ Борьба с общим врагом служит консолидации: на этой конференции учреждается «Асбестовая ассоциация». Если поначалу эта деятельность подавалась как прерогатива топ-менеджмента, то к настоящему времени она конструируется как всенародное движение: «На защиту хризотила поднялась вся общественность Асбеста» – говорится о семинаре, посвящённом противодействию антиасбестовой кампании в 2010 г. Одна из участниц семинара, руководитель городского управления образования, убеждена, что «[в]опрос о проблеме антиасбестовой кампании необходимо поднимать не только среди взрослых, но и говорить об этой проблеме с детьми. ... Нужно воспитывать в наших гражданах равнодушное отношение к хризотилу, к антиасбестовой кампании, к судьбе города»³¹.

Если глобальная тенденция деиндустриализации фактически стигматизирует индустриальные пространства, то стремление к установлению глобального безасбестового порядка³² стигматизирует эту отрасль. Асбест превращается в своего рода сакральное, в расширенном понимании, когда оно «означает приблизительно то же, что и запретное. При таком понимании мир делится на вещи и действия, на которых лежит запрет, и на все остальные, на которых запрета нет»³³. Восприятие всего связанного с этим минералом как нечистого, грязного, испорченного (в смысле М. Дуглас) побуждает асбестовцев к тактическим отступлениям. В 2003 г. «Асбестовая ассоциация» переименована в «Хризотиловую ассоциацию», УралАТИ – завод асботехнических изделий, второе по величине и значимости градообразующее предприятие Асбеста, в 2006 г. также сменило название на Урал-АТИ – завод автотекстильных изделий.³⁴ От людей зависит, будут ли они воспринимать хризотил как:

³⁰ Мотив прежний: «Антиасбестовая кампания по-прежнему не утихает. В прессе разных стран то и дело публикуются материалы, утверждающие, что этот минерал смертельно опасен для человека. Появились также сведения о пока единичных фактах запрещения использования асбеста и в России»; см.: Дубовкина Л. Опасен ли асбест? // *Асбестовский рабочий*. 1996. 28 марта. № 41. С. 2.

³¹ Богданова М. Напуганные до смерти асбестом 25.11.10 // *Официальный сайт г. Асбест* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.asbestadm.ru/index.php/2010-11-02-15-03-50/36-2010-07-25-09-22-50/578-2010-11-24-22-26-29>.

³² В 1999 г. Европейская комиссия приняла директиву 1999/77/ЕС о запрете использования асбеста и асбестосодержащих материалов и изделий в странах Евросоюза с 1 января 2005 г. В дальнейшем сторонники запрета намерены распространить его по всему миру при помощи принятой 10 сентября 1998 г. Роттердамской конвенции; см.: *Асбест и здоровье* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.mesothelioma-asbestoscancer.info/ru-asbestos-rus.html>.

³³ Дуглас М. *Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

³⁴ В Канаде есть город-тёзка – квебекский Асбест (в нём, правда, всего 6,8 тыс. жителей – по состоянию на 2006 г. (Википедия)). Там точно так же настаивают на безопасности контролируемого использования

- «нейтральную» часть земли, или
- полезное ископаемое («природный минерал с исключительными свойствами», «служит человечеству на протяжении тысячелетий», как гласит бегущая строка на ресурсе <http://www.chrysotile.ru/>), или

- стратегическое сырьё, для добычи и переработки которого во время ВОВ квалифицированных рабочих возвращали с фронта, или

- ресурс, обеспечивающий работу градообразующего предприятия, как происходит сегодня. Этого ресурса хватит на сотню лет, но гораздо раньше он может истощиться социально, если люди потеряют веру в хризотил. А для того чтобы её сохранить, оказывается необходимой субъектность минерала-предприятия-города – дающего жизнь, оклеветанного и нуждающегося в защите.

Профильное производство и сам город также социально конструируются как объекты (и одновременно субъекты) заботы и защиты:

«Только в начале XXI века город Асбест и асбестовая промышленность столкнулись с монстром, которого породила неорганическая химия. Искусственный аналог против натурального развернул антиасбестовую кампанию. Город сплотился в едином порыве: отстоим производство “горного льна”, давшего жизнь Асбесту. И людям его – тоже»³⁵.

Не-человеческие акторы и люди связаны в сложные сети взаимных вовлечённостей, которые постоянно воспроизводятся, разыгрываются и переигрываются. Взятые в точках отклонения от более или менее точного воспроизводства взаимосвязей, они открывают устройство этих сетей: куделька-асбест и в прошлые века вызывал романтически-ласковое отношение, но объектом мощной защиты стал только в последние десятилетия. В этой игре становится понятной роль асбестового карьера, если рассмотреть его как часть сети «анклавов» (фиксированных мест), «арматур» (инфраструктур) и «гетеротопий», следуя концепции Дэвида Грэхема Шейна: города создаются из постоянных рекомбинаций этих трёх элементов.

хризотила и необходимости его чёткого отделения от действительно опасных разновидностей асбеста; см.: Support from the trade union community for the safe and responsible use of chrysotile fibre UNION STATEMENT. March 2010 // Chrysotile Institute [Electronic resource] Mode of access: http://www.chrysotile.com/en/news/n_list.aspx. С другой стороны, блогер Б. Кассельман утверждает, что город хочет изменить своё название, настолько оно стало политически рискованным и экономически обременительным, ассоциируясь с токсичностью и смертью; см.: http://www.billcasselman.com/wording_room/asbestos_quebec.htm. В российских СМИ, конечно, также высказываются суждения о бесперспективности асбеста, однако о переименовании города, тем более от лица жителей, речи не идёт.

³⁵ Атанасова, указ. статья; см. также: Синявский В. Поддержали «Ураласбест» // *Асбестовский рабочий*. 2009. 9 января. № 2. С. 1.

Анклавы – это фиксированные места с чётко очерченными границами, самоорганизующиеся, самоцентрированные и саморегулирующиеся системы, созданные городскими акторами.³⁶ Достаточно один раз взглянуть на асбестовый карьер, чтобы понять, как выглядит материально воплощённый анклав. *Во-первых*, это действительно фиксированное и чётко ограниченное пространство – гигантское углубление, всё более вгрызающееся в землю. *Во-вторых*, концентрические круги, по серпантину которых снуют грузовики с вывозимой породой, превосходно визуализируют и символизируют центрированную на себе, саморегулирующуюся систему замкнутого цикла. *В-третьих*, спиралевидный серпантин уступов образует жёсткую иерархию ступеней с вполне чёткими границами, в которые должен вписаться мощный БелАЗ.

Если арматуры, по Шейну, преобладают в пространственном порядке расширения в инфраструктуре или публичных пространствах индустриального города эпохи модерна, а гетеротопии – в сетевом пространстве постиндустриального города, то анклавы доминируют в архаически иерархичном пространственном порядке локализации. Асбест обладает тройной анклавностью: (1) как любой моногород, он по определению является анклавом ввиду исключительной центрированности на градообразующем предприятии; (2) асбестовый карьер продуцирует анклавность – конечно, не потому, что имеет соответствующие внешние признаки, а в силу того, что работа градообразующих предприятий целиком и полностью завязана на природные ископаемые, что жёстко ограничивает все направления деятельности; (3) транспортно-географически г. Асбест расположен в тупике, сообщение через него осуществляется только с близлежащими посёлками. Накладываясь одна на другую, эти три разновидности анклавности вместе создают очень сильный эффект изоляции и автономизации, предпосылки которого прочитывались ещё в дореволюционной Кудельке.

Жёсткая привязанность к месту реализуется не только через специфику предприятий, дающих рабочие места асбестовцам. Многие жители имеют сады и увлечённо занимаются хозяйством. Городская газета дважды в год публикует информацию об изменениях расписания пригородных автобусов на садово-огородный сезон, а цены на билеты по этим маршрутам дотировались из городского бюджета даже в самые тяжёлые 1990-е перестроечные годы. Садовое хозяйство, особенно в условиях рискованного земледелия, так устроено, что его нельзя оставить на более или менее длительный период – оно держит не меньше, чем залежи асбестовой породы. И, наконец, третий аспект воспроизводства седентаризма, который мы обнаружили в ходе исследования, – это специфическая, чрезвычайно сильная идентификация с местом, эффект

³⁶ Shane D.G. Heterotopias of Illusion; From Beaubourg to Bilbao and Beyond // M. Dehaene, L. de Cauter (eds.) *Heterotopia in a postcivil society: public space in a postcivil society*. London, New York: Routledge, 2008. P. 259–271.

принадлежности к своему городу, заводу. Пожалуй, именно данный эффект прежде всего ответствен за то, что население продолжает связывать свои надежды с градообразующим предприятием и не предпринимает попыток изменить сложившийся конструкт.

В самом простом виде *привязанность к месту* (*place attachment*) – понятие, бойко дискутируемое в современной науке, – можно определить как узы, связывающие людей со значимым для них окружением. Даже не отягощённые большой приверженностью функционализму исследователи всё же считают нужным отметить социальные функции данного феномена: от выживания и безопасности, поддержки целеполагания до темпоральной и личностной континуальности и чувства принадлежности. Все эти функции работают на построение и воспроизводство идентичности и потому чрезвычайно актуальны в современном обществе.³⁷ Нам хотелось бы остановиться ещё на одном аспекте. Привязанность к месту удовлетворяет потребность в *позитивной* самооценке, востребованной при делящейся неопределённостью, но особенно важной в кризисных условиях. Привязанность к месту реализуется через множественные связи, самоощущение «инсайдера» и желание оставаться/возвращаться в данное место. Поддерживая пессимистические выводы относительно низкой мобильности россиян, этот феномен, с другой стороны, препятствует тенденции опустынивания и съезживания городов за счёт оттока населения в центры метрополий.

Привязанность к месту встраивается в *технологии социальной идентификации*. Мы выделили три такие технологии, которые оказываются специфически релевантными для моногородов типа Асбеста. Первая, позитивная, технология – это культивация привязанности к месту посредством: а) городских мероприятий, празднований и коммемораций, часть из которых отмечают повсеместно, но здесь они приобретают особый колорит (от Нового года и Дня Победы до Дня строителя, который работники градообразующих предприятий считают профессиональным праздником, и Дня города), часть – специфически асбестовские (день двора, всевозможные спартакиады, 70-летие Асбестовского техникума, 100-летие асбестовского муниципального оркестра в 2008 г. и т. п.); б) конструирования виртуального пространства города в интернете: помимо неплохого официального сайта работает ещё несколько виртуальных площадок.

Вторая технология, также позитивная, – это серьёзный брендинг и пиар предприятий, прежде всего, конечно, «Ураласбеста», ориентированный как вовне, так и на самих асбестовцев. В ходе экскурсии по комбинату

---

³⁷ Обзор см.: Scannell L., Gifford R. Defining place attachment: A tripartite organizing framework // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. № 30. P. 1–10.

«[а]сбестовские руководители из городской администрации и других предприятий и организаций города *испытали чувство гордости* за свой край, за те инновации и достижения, которые внедряются в Асбесте.

– *Масштаб* градообразующего предприятия “Ураласбест” действительно впечатляет, – рассказывает начальник организационного отдела администрации города Наталья Свиридова. – Руководителям различных городских предприятий, организаций, учреждений было необходимо своими глазами увидеть производство, столь значимое для Асбеста. *Это наша культура, наше настоящее и будущее*. Именно такое знакомство с деятельностью главного предприятия города рождает *чувство патриотизма* и желание трудиться на благо родного края» (курсив наш. – *Авторы*)³⁸.

В моногороде взаимная вовлечённость людей и не-человеков в общие сети взаимодействия не просто велика, порой она оказывается тотальной. В эпоху индустриального подъёма это не вызывало тревоги, но и сейчас на официальном сайте Асбеста читаем:

«На комбинате во второй половине XX века трудилось 20 тысяч асбестовцев, к основному производству имела отношение буквально каждая семья в городе»³⁹.

Третья технология, негативная, – это борьба с общим врагом, силами, развязавшими антиасбестовую кампанию. Как было показано выше, она продуктивна для развития специфических solidarностей.

Достижимые в результате совместного использования всех трёх технологий возвышенные чувства и гордость за завод, за город заново запускаются в эксплуатацию для воспроизводства привязанности к месту.

***

Согласно нашему исследованию, моногород – это социально-территориальное поселение городского типа, которое отличают узко отраслевая структура профессиональной занятости населения и высокая степень зависимости структур жизнеобеспечения от градообразующего предприятия (или нескольких предприятий, объединённых технологической цепочкой или относящихся к одной отрасли экономики). Специфика индустриального моногорода обусловлена доминированием анклавности, воспроизводящей замкнутое на себе пространство с признаками изоляции и автономизации, что препятствует мобильности.

В постсоветскую эпоху заводы были приватизированы и вышли из-под государственного контроля. Главной задачей их нынешних хозяев является получение прибыли. В тех городах, которых не кос-

³⁸ Богданова, указ. соч.

³⁹ Атанасова, указ. статья.

нулась деиндустриализация, глобализация проявляется во включении местных предприятий в большие холдинги. Это вырывает их из городских структур и помещает в глобальные рыночные сети. Однако для жителей таких поселений завод по-прежнему остаётся центром вселенной: он даёт не только средства к существованию, но и служит источником позитивной самоидентификации (а это особенно важно, когда источники гордости дефицитны). Альтернативы градообразующему предприятию фактически не существует, поэтому всякая социальная активность, как магнитом, автоматически направляется на его поддержку и защиту.

В Асбесте перспективу видят в создании на базе «Ураласбеста» предприятия по выпуску магния из отвалов асбестового производства. В ходе реиндустриализации, таким образом, главный завод-анклав будет дополнен другим анклавом. В этой логике, похоже, моноцентричное пространство не имеет шансов стать полиморфным. Жители моногородов «с оптимизмом смотрят в будущее», но это будущее выглядит как простое дление настоящего или возвращение прошлого *золотого века*, отвергающее вызовы современных преобразований.

Возникает ситуация «замкнутого круга»: население с целью позитивной идентификации продолжает придерживаться того, что есть, то есть градообразующего предприятия, и тем самым ограничивает свои возможности в поисках новых стратегий обеспечения собственной жизнедеятельности. Моногорода находятся на острие дилемм конструирования пространства, в той или иной форме характерных, думается, и для городов других типов. Речь в данном случае идёт о взаимодействии (столкновении, взаимопроникновении, нейтральном фрагментарном сосуществовании) глобального и локального, де- и реиндустриализации, гетеротопического сетевого пространства постиндустриального города и анклавного архаического пространственного порядка, расширенной модели потребления и профитирующей на натуральном хозяйстве, усиления разнообразия и мобильности и моноцентризма и седентаризма, открытого будущего и будущего как повторения прошлого или настоящего.